

В девять вечера город бурлил, зажатый в тиски нескончаемых автомобильных потоков. Чэн Фань ехал в машине, обнимая стаканчик с молочным чаем, и рассеянно смотрел в окно на мелькающие неоновые вывески.

В этот момент на телефон пришло сообщение от Сян Чжи:

«А-Фань, я же говорил! Ты взлетел!»

Чэн Фань лениво набрал ответ:

«О чем ты?»

«Зайди в Вейбо, сам увидишь!»

Хэштег на первой строчке горячих трендов Вейбо гласил: **#Юный бессмертный в традиционном стиле#**.

Чэн Фань кликнул по нему. Лента пестрела скриншотами его сегодняшнего выступления; некоторые блогеры уже успели нарезать качественные обои для рабочего стола, которые пользователи вовсю репостили.

Он листал публикации, пока его внимание не привлек один пост.

Пользователь под ником «Фан-клуб Чэн Фаня» с восторгом разбирал его хореографические элементы с сегодняшнего фестиваля, детально анализируя каждое движение.

Чэн Фань залюбовался снимком, сделанным в момент прыжка: носок идеально вытянут, а поднятая нога почти касается затылка. Фотограф поймал потрясающий кадр.

Над этим элементом Чэн Фань бился очень долго, прежде чем довел его до совершенства.

Он тихонько сохранил фотографию в галерею смартфона.

В комментариях творилось безумие: восторженные отзывы перемежались редкими язвительными уколами завистников.

[Да, танцует неплохо, но с какой стати новичку сразу дают сольную партию?]

[В наше время у каждого дебютанта за спиной стоит влиятельный спонсор. Лишь бы в голове не было пусто, а то опозорится при первом же интервью.]

****[Личико смазливое. Сразу видно, «заботливо» вырастили для чьих-то нужд.]****

Чужая злоба никак не задела Чэн Фаня. Скользнув равнодушным взглядом по желчным строчкам, он заблокировал экран.

— Завтра Линь Юйтань зовет меня на свою загородную конюшню, — нарушил молчание Се Чунъянь. — Поедешь со мной?

— Я подумаю, — безучастно отозвался Чэн Фань, грея ладони о стаканчик с чаем.

Едва они переступили порог дома, навстречу Чэн Фаню выкатился Момо, принимаясь ластиться и тереться о ноги. Подхватив котенка на руки, юноша подошел к письменному столу. На деревянной столешнице сиротливо лежала красная бумажка.

Она заметно помялась — сначала он сам ее складывал, а потом она несколько дней пролежала в кармане пиджака Се Чунъяня, отчего совсем поизносилась.

Чэн Фань опустил на стул, расслабленно подперев подбородок ладонью. Одной рукой он лениво щекотал развалившегося Момо, а сам глубоко задумался.

Спустя какое-то время он неторопливо растер тушь и взял кисть. Но на этот раз выбрал не броскую красную бумагу, а плотный лист из дорогого почтового набора. Из-под его руки ложились изящные иероглифы — отрывок из буддийской сутры, который он особенно любил.

Приняв ванну, Чэн Фань услышал за стеной шаги: дядя Чэнь вышел из спальни Се Чунъяня — должно быть, как обычно, приносил вечерний кофе.

С влажных волос еще капала вода. Накинув халат, Чэн Фань взял исписанный лист, прижал к себе сонного котенка и постучал к Се Чунъяню.

— Войди, — донеслось из-за двери.

Се Чунъянь был без очков. Он тоже только что из душа; просторная домашняя одежда черного цвета мягко облегла фигуру, сквозь тонкую ткань угадывались рельефные очертания спортивного пресса.

— Что-то случилось? — Се Чунъянь скользнул по нему взглядом и кивнул.

Шелковая белая пижама, которую для Чэн Фаня выбрал Се Чунъянь, была невероятно мягкой, но юноша оказался слишком худым для этого комплекта. Просторная рубашка сидела на нем мешковато, глубокий вырез приоткрывал изящные ключицы.

— Та красная бумажка из твоего кармана совсем истрепалась, — Чэн Фань подошел ближе и протянул ему лист. — В знак благодарности за то, что ты меня спас, я переписал текст.

Без очков лицо Се Чунъяня казалось более резким и холодным. В глубине его темных глаз на мгновение промелькнуло удивление, но он тут же взял подарок.

— Спасибо.

Момо, оказавшись в этой комнате впервые, удивленно крутил головой. Извернувшись, котенок выскользнул из рук Чэн Фаня, запрыгнул на стол Се Чунъяня и принялся осторожно обнюхивать незнакомые предметы.

— Каким иероглифом пишется его имя? — Се Чунъянь ласково погладил зверька. — «Мо» как «тишина» или «тушь»?

— Как «тушь», — ответил Чэн Фань.

Кивнув, Се Чунъянь спросил:

— Так что насчет завтра? Свободен?

Чэн Фань завел руки за спину и слегка приподнял подбородок:

— Раз уж ты так настаиваешь, я могу немного сократить время тренировок и поехать с тобой.

— Договорились. Рад, что ты согласился, — Се Чунъянь продолжал чесать Момо за ушком, и тот довольно зажмурился.

Посмотрев на разомлевшего котенка, Чэн Фань ревниво хмыкнул:

— Угу.

Загородный конноспортивный клуб Линь Юйтаня

На следующий день они отправились за город.

Назвать это место просто конюшней язык не поворачивался. Это был элитный закрытый клуб: здесь содержались чистокровные скакуны редких пород, привезенные из-за рубежа или

выращенные в местном питомнике.

Они шли бок о бок по безупречному изумрудному газону. Оба оделись в легкие белые спортивные костюмы, только Чэн Фань, оберегая кожу от солнца, накинул еще и белую бейсболку.

Они мгновенно приковывали к себе взгляды. Се Чунъянь, чей рост превышал метр восемьдесят восемь, обладал безупречным телосложением — статный, широкоплечий, он выглядел так, словно только что сошел со страниц модного журнала.

Однако Чэн Фань тонко чувствовал: на душе у его спутника сегодня было беспокойно.

— Это тот самый Чэн Фань? — тихо шушукались сотрудники клуба, провожая их взглядами. — Вживую он еще красивее, чем на экране.

— А кто это?

— Да ладно тебе! Тот самый парень из интернета, который прославился своим «божественным» танцем в традиционном стиле.

Под раскидистыми кронами деревьев неподалеку расположилась компания из десятка человек, оживленно беседуя в тени.

Сян Чжи тоже приехал. Рассевшись на диване в окружении двух спутников, он лениво поправил темные очки, но, заметив приближающуюся пару, ошарашенно сдернул их:

— Твою мать, он и Чэн Фаня с собой притащил?

Линь Юйтань поднял голову и заметно смутился.

Сидящий рядом молодой господин Ци усмехнулся:

— Раз уж брат Чунъянь привел своего молодого мужа, у нас есть отличный шанс познакомиться поближе.

Чэн Фань подошел вместе с Се Чунъянем к компании. Скользнув по присутствующим мимолетным взглядом, он сразу уловил несколько откровенно недоброжелательных лиц.

Ци Лин подчеркнул вежливо поднялся с места:

— Привет, Чэн Фань. Я Ци Лин. Давний... близкий друг Чунъяня.

— Рад встрече, — равнодушно ответил юноша.

Се Чунъянь даже не взглянул на Ци Линя. Повернувшись к Чэн Фаню, он негромко предложил:

— Давай сядем вон там.

Они устроились в плетеных креслах. Чэн Фань заметил, что собралась в основном золотая молодежь его возраста. Ци Лин, судя по всему, пользовался здесь авторитетом — остальные то и дело заискивающе заглядывали ему в рот.

Сян Чжи, приобняв очередного фаворита, крикнул Чэн Фаню:

— А-Фань, как выкроишь время, загляни ко мне в агентство. Я подберу тебе лучшего продюсера!

Чэн Фань лишь слегка кивнул в ответ и, прикрыв глаза, расслабленно откинулся на спинку кресла. Солнце приятно пригревало, лаская кожу предвкушением скорого лета.

Се Чунъянь тоже не отличался разговорчивостью. Он безучастно слушал пустую болтовню, проявляя интерес лишь тогда, когда речь заходила о разведении породистых жеребцов.

— Брат Чунъянь, с тех пор как ты женился, тебя совсем не вытащить развлечься, — капризно протянул Ци Лин. Голос у него был мягкий, но приторный до тошноты. — Я тут снова начал танцевать танго. Помнишь, как мы кружились на университетских вечерах?

— Кхм-кхм, — натужно закашлялся Линь Юйтань, пытаясь сгладить неловкость. — Ладно тебе, было и прошло. Давайте лучше о делах насущных.

— Ну почему же, воспоминания молодости — самые ценные, — поддакнул один из приятелей Ци Линя.

Сам Ци Лин в это время пристально наблюдал за реакцией Чэн Фаня, медленно потягивая шампанское из бокала.

— Вот как? Обычное официальное выступление, я давно об этом позабыл, — отрезал Се Чунъянь. Его ледяной взгляд заставил говорившего осечь.

В этот момент конюхи вывели нескольких оседланных скакунов. Ци Лин изящно поднялся и направился к ним, смерив Чэн Фаня вызывающим взглядом:

— Чунъянь обожает верховую езду с самого детства, так что его супруг наверняка тоже

прекрасный наездник. Может, устроим дружеское состязание, молодой господин Чэн? Или побоитесь принять вызов?

Чэн Фань прекрасно понял, что его пытаются спровоцировать. Все свое детство он посвятил танцам, а до конного спорта у него никогда не доходили руки. На лошади он держаться умел, но соревноваться с опытным наездником было глупо.

Заметив, как Чэн Фань напрягся, Се Чунъянь холодно бросил:

— Ци Лин, прекрати этот фарс.

Тот обиженно надул губы:

— Ну, если наш юный мастер не умеет держать поводья, я настаивать не буду.

— Давай попробуем, — Чэн Фань медленно поднялся с кресла и с вызовом посмотрел сопернику прямо в глаза. — Какие правила?

Ци Лин победно улыбнулся:

— Один круг по арене. Кто покажет лучшее время, тот и выиграл.

— Хорошо, — Чэн Фань подошел к своей лошади и ласково погладил ее по шелковистой гриве.
— Кто первый?

— Без разницы. Можешь уступить мне, — небрежно бросил Ци Лин.

Пока они договаривались, лицо Се Чунъяня окончательно потемнело. Он процедил сквозь зубы, обращаясь к сидевшим рядом приятелям:

— Вы привели его сюда только ради того, чтобы потрепать мне нервы?

Почувствовав, что пахнет жареным, Сян Чжи тут же поспешил откrestиться:

— Я тут вообще ни при чем! Я его не звал!

Се Чунъянь перевел тяжелый взгляд на Линь Юйтаня. Тот мгновенно замахал руками:

— И не я! Он сам напросился, когда прознал про сабантуй. Я же знаю, что он до сих пор бредит вашим студенческим танго. Если бы я только подумал, что ты приедешь с Чэн Фанем, я бы его

на порог не пустил!

Се Чунъянь закипел изнутри, но сдержался. Он закинул ногу на ногу, его длинные пальцы монотонно отстукивали дробь по подлокотнику.

Когда Ци Лин сорвался с места, толпа разразилась одобрителными возгласами. Наездником он действительно был превосходным.

Чэн Фань стоял в стороне, держа спину идеально прямо. Он спокойно проверял седло, сохраняя абсолютное хладнокровие, хотя в действительности ему еще никогда не доводилось пускать лошадь в галоп в одиночку.

Перед тем как вставить ногу в стремя, он украдкой скользнул взглядом по Се Чунъяню, после чего упрямо сжал губы и опустил ресницы.

— Две минуты и восемь секунд! Потрясающий результат! — взревела толпа.

Осыпaeмый похвалами, Ци Лин победно соскочил на землю и с вызовом кивнул Чэн Фаню, стараясь при этом уловить реакцию Се Чунъяня.

— Твой черед.

Чэн Фань взобрался в седло. Ладони, сжимающие поводья, слегка взмокли от волнения.

Вдруг поводья натянулись — кто-то перехватил их прямо у него из рук. В следующую секунду к спине прижалась широкая теплая грудь. Прежде чем Чэн Фань успел вскрикнуть от неожиданности, сильные руки надежно обхватили его за талию. Се Чунъянь уверенно устроился позади него в седле, забрав управление конем.

— Чэн Фань вчера ушиб ногу на сцене, — невозмутимо объявил Се Чунъянь собравшимся. — Я поеду с ним, чтобы подстраховать.

— О-о-о! — Сян Чжи первым зааплодировал и одобрительно свистнул, а Линь Юйтань с ухмылкой его поддержал.

Ци Лин стоял бледный как полотно. Он слышал от Чэн Аня, что между Чэн Фанем и Се Чунъянем нет никаких чувств, поэтому и осмелился на провокацию.

Но чтобы гордый Се Чунъянь опустился до того, чтобы защищать этого мальчишку на глазах у всех?!

Не в силах больше выносить это зрелище, Ци Лин резко развернулся и ушел прочь, скрывшись в толпе.

Они мчались по кругу. Се Чунъянь намеренно сдерживал ход жеребца, оберегая юношу от резких толчков. Наклонившись к самому уху Чэн Фаня, он тихо спросил:

— Тебе страшно?

— Ни капли, — упрямо бросил тот.

Се Чунъянь скользнул взглядом по его изящной шее.

— Вот и славно.

Чэн Фань невольно улыбнулся, но поспешил скрыть свои эмоции, пробурчав:

— Вообще-то я и сам бы справился.

Они сидели вплотную друг к другу. Бешеный ритм скачки, адреналин и близость чужого тела смешались в единое пьянящее чувство. Чэн Фаня с головой накрыл этот прохладный аромат кедровой хвои, исходивший от мужчины. Дыхание юноши невольно участилось.

Круг завершился на удивление быстро. Се Чунъянь ловко соскочил на землю и протянул руку, помогая спутнику спуститься. Чэн Фань с напускным безразличием оперся на его ладонь и легко спрыгнул на траву. Заметив, что Ци Линя и след простыл, он почувствовал, как на душе стало тепло и радостно.

Перед отъездом Линь Юйтань негромко шепнул Се Чунъяню:

— Чунъянь, не забудь про то, о чем просил дядя Ван.

— Знаю, — коротко кивнул тот.

В особняк они вернулись около шести вечера. Потренировавшись пару часов в танцевальном классе, Чэн Фань принял душ и спустился в столовую к ужину. Не обнаружив за столом Се Чунъяня, он недоуменно спросил у прислуги:

— А где господин Се? Он уехал?

Дядя Чэнь с грустной улыбкой покачал головой:

— Нет, молодой господин. Господин Се спустился в винный погреб.

— Решил выпить? — удивился Чэн Фань.

Дворецкий тихо вздохнул:

— Он взял с собой тот лист бумаги, который вы ему оставили. Видите ли... сегодня день смерти его матери.

Чэн Фань осекся. Он задумчиво покрутил в пальцах вилку, вяло ковырнул ужин и отставил тарелку. Аппетит пропал начисто.

В десятом часу вечера, когда в доме все утихло и прислуга разошлась по своим комнатам, Чэн Фань подошел к тяжелой дубовой двери винного погреба. Помявшись у порога, он все же решился войти.

В полумраке подвального помещения стояла глубокая тишина. Се Чунъянь сидел на низком кожаном диване. Очки лежали на барной стойке рядом с несколькими откупоренными бутылками красного вина.

А перед ним на столе лежал тот самый лист бумаги с каллиграфией Чэн Фаня. Буддийский текст, который он переписал вчера, содержал молитву об упокоении душ усопших и обретении ими вечного покоя. Похоже, Се Чунъянь понял скрытый смысл послания.

Чэн Фань нахмурился и тихо подошел ближе.

Мужчина не был пьян в стельку, разум его оставался относительно ясным, но в обычно холодном, пронизательном взгляде сейчас сквозила глубокая, неприкрытая тоска. Ремешок дорогих часов ослаб, и они небрежно свисали с запястья.

Покачивая в руке бокал с остатками багровой жидкости, Се Чунъянь поднес его к губам и осушил одним глотком, словно пытаясь заглушить душевную боль.

— Тебе не кажется, что на сегодня хватит? Так и отравиться недолго, — негромко проговорил Чэн Фань.

Он потянулся, чтобы забрать бокал, но Се Чунъянь крепко держал его. Чэн Фань потянул сильнее, увлекая за собой руку мужчины, но не удержал равновесия. Се Чунъянь покачнулся, и они вместе рухнули на мягкие подушки дивана. В неверном полумраке Се Чунъянь крепко обнял юношу за плечи, накрывая его своим телом.

Они лежали на боку, тесно прижавшись друг к другу. Ощувив долгожданное человеческое тепло, Се Чунъянь еще крепче обвил руками тонкую талию Чэн Фаня и уткнулся подбородком в его плечо.

Чэн Фань попытался высвободиться и сесть, но хватка мужчины оказалась железной — сдвинуться с места было невозможно. Горячее дыхание щекотало шею. Юноша никогда в жизни ни с кем не сближался настолько сильно. И вдруг сквозь этот жар на кожу Чэн Фаня упала одинокая, обжигающе горячая слеза.

Он замер, и всякое желание сопротивляться мгновенно пропало.

Спустя долгую минуту он шепотом произнес:

— Се Чунъянь... ладно. Ровно на пять минут.

Се Чунъянь вдруг тихо, едва слышно усмехнулся:

— Хорошо, Фань-Фань.

Чэн Фань опешил, его глаза округлились:

— Погоди... Ты что, не пьян?

Но Се Чунъянь больше ничего не ответил, лишь крепче прижал его к себе.

Чэн Фань открыл глаза ранним утром. Он все еще лежал на диване в винном погребе, но пустые бутылки и бокалы уже исчезли — слуги все убрали. Вещей Се Чунъяня тоже не было видно; должно быть, он уже уехал в офис.

Сам Чэн Фань был бережно укрыт легким пледом. Из-под края ткани виднелись босые лодыжки, его тонкая белая кожа в блеклом утреннем свете казалась почти прозрачной. Взъерошив непослушные мягкие волосы, он наспех обулся и мышкой выскользнул из погреба, боясь столкнуться с дядей Чэнем.

Добежав до своей спальни на втором этаже, он плотно закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Сердце бешено колотилось в груди.

"Так был вчера Се Чунъянь пьян или нет? И... он ведь действительно назвал меня по имени?"

Письмо-признание по-прежнему лежало на его рабочем столе.

Чэн Фань со смешанным чувством тревоги и надежды развернул лист, мысленно прокручивая в голове события последних дней.

"Неужели... я ему действительно нравлюсь?"

Собираясь спрятать лист обратно, Чэн Фань случайно заметил, что на самом дне конверта, в узком внутреннем шве, виднеются две строчки, написанные мелким почерком. Похоже на подпись отправителя.

Надо же, подпись, которую он так долго не мог найти в самом письме, была спрятана в подкладке конверта!

Чэн Фань бросился искать ножницы, намереваясь немедленно вскрыть тайник.

<http://bllate.org/book/19809/1996179>